

Н. Г. ДЖУСОЙТЫ

ОСЕТИНСКОЕ ЗАСТОЛЬЕ И СКИФО-НАРТОВСКОЕ ОБЩЕСТВО

Осетинское застолье известно каждому природному осетину, но во избежание субъективного налета, свойственного каждому индивидуальному восприятию явления изнутри, сошлюсь на описание зоркого и стороннего наблюдателя В. Ф. Миллера: «Когда мужчины, соблюдая известный этикет старшинства, садятся за столы (**финг**), кто-нибудь из «урдигистагов» – молодых людей, прислуживающих на пиру, приносит три чирита – большие лепешки – и кладет их треугольником так, что одна покрывает часть другой, на столике главы семьи; сюда же кладут голову и некоторые лучшие части животного (лопатку, часть шеи) и ставят стакан с араком. Другие **урдигистаги** разносят куски мяса по фингам присутствующих, кто-нибудь из мальчиков жарит между тем так называемые **ахсирфамбалтга** – куски легких, обернутые в брюшной жир. Когда последние изжарены в количестве не менее трех, их подносят к главе семьи, который, взяв в руку один кусок и сняв шапку, произносит молитву. После каждой фразы молитвы присутствующие говорят «аммен». «По окончании довольно длинной молитвы глава семьи бросает кусок **ахсирфамбала** в огонь, дает попробовать кусочек одному из домашних, берет кусок себе, а остальные разносятся по старшим из присутствующих. То же совершают молельщик с чирита. Сидящий рядом с главой семьи, первый после него по старшинству произносит более краткую молитву, держа в руке чашку арака, плескает несколько капель в огонь, дает отведать одному из присутствующих и выпивает остальной сам. Этими обрядами освящены пища и питье, и начинается пир...» «С некоторыми видоизменениями вышеупомянутые обряды сопровождают всякий осетинский праздник и **кувд**, как общественный, так и семейный» [4, с. 265–266].

В этом описании все верно, можно уточнить лишь одну деталь – отведать после молитвы от пирога, **ахсирфамбала** и араки дают не «одному из присутствующих», а самому младшему из подростков в семье. «Непо-

нятным» же во всем обряде является число **три**: **три** пирога, **три** ахсир-фамбала, **три** доли перед старшим – голова, шея, лопатка жертвенного животного. Когда праздник не семейный, а общественный (родовой), то непременно во главе застолья **три** старших.

Миллер полагает, что перед тремя старшими кладут **шею и лопатку** по той причине, что они «лучшие части животного», но это далеко не так. Каждый осетин знает, что эти части старшие не съедают. Для еды им дают действительно лучшие доли, но это – «мурзæг фærсджытæ» – «короткие ребра» в вареном виде. Так что в обряде застолья непонятной, необъяснимой остается одна деталь. почему во главе стола **три старших**, перед ними **три** пирога, **три** символические доли – голова, лопатка, шея (или часть шеи)?

Думается, что разгадку этой тайны надо искать в структуре скифского общества в эпоху военной демократии, и структуре его социальной иерархии, нашедшей свое отражение и в организации нартовского эпического мира.

Известно, что скифское общество в социальном разрезе трехслойно: воины, скотоводы и земледельцы, жрецы-прорицатели. Главенствовали в обществе воины – их вожди, цари. На втором месте оказались жрецы-прорицатели, некогда занимавшие в обществе безраздельно ведущее место, но в эпоху военной демократии оттесненные воинами на второй план.

Общеизвестно, что и нартовский эпический мир состоит из трех родов: Ахсартаггата, Бората, Алагата. Известно также, что Ахсартаггата – «могучи воинами», Бората – «богаты скотом», Алагата – «сильны умом». Иначе говоря, в нартовском обществе та же раскладка сил, что и в скифском: одни – воины, другие – скотоводы (богаты скотом), трети – жрецы (сильны умом: жрецы – сосредоточие ума, знания о мире, о сущем и грядущем). На основе этих данных знаменитый французский мифолог и фольклорист Жорж Дюмезиль установил, что в структуре нартовского общества сказалась трехфункциональная иерархия скифского общественного строя. Но что это дает нам для объяснения «темного места» в обряде осетинского традиционного застолья?

В этикете застолья в любом обществе неизбежно отражаются общественные привилегии и формы социальной субординации. И в скифском, равно как и в нартовском этикете застолья, должна была найти свое место указанная трехфункциональная структура общественных привилегий, зависимостей, субординации.

В скифском обществе главенствуют воины, вожди, цари. Но это первенство, хотя и признавалось, наверняка оспаривалось. Особенно же жрецами, некогда единолично обладавшими функциями духовного и во-

енного руководства обществом. Видимо, и скотоводческое сословие молча не мирилось с этим засильем воинского руководства, – ведь в их руках находилось основание экономического благосостояния общества, ибо воинское грабительское счастье переменчиво, богатство от удачных набегов текуче, как речная струя... И это соперничество наверняка осознавалось воинским сословием, его руководителями – вождями и царями. Примирение этих противоречий требовало не только наказующей силы, но и идеологических средств воздействия на общественное сознание. Таким примирительным средством в обществе могла выступить мысль о равенстве сословий, о братстве их. И эта мысль отчетливо выступает уже в знаменитой скифской генеалогической легенде, по которой все три скифских сословия происходят от одного отца – Таргитая, чьи сыновья (Липоксай, Арпоксай и Колаксай) стали родоначальниками всех трех сословий. Они не только братья, но и равно **ксаси** – благородны, знатны. Однако царская власть самим богом ниспослана младшему брату – Колаксаю. Иначе говоря, все сословия равноправны, равноценны (братья!), но руководящая функция предназначена богом воинскому сословию. Воля же бога-неба неоспорима, не подлежит обсуждению.

Эта примирительная, по-своему демократическая мера-мысль ясно проглядывает и в этикете застолья: во главе стола **три равноправных старших**. И все же один из них «главнее». И перед ним лежит атрибут его первенства – голова жертвенного животного. Справа от главы – **второй старший**. И перед ним также лежит символ его функции – **лопатка**. По ней гадают, предсказывают будущее. Это – функция жрецов и прорицателей. Слева от главы – **третий старший**. Перед ним – символ его функции – **шея** жертвенного животного. Функция скотовода (земледельца).

Символический смысл этих долей жертвенного животного подчеркивается еще и тем, что на лопатке тут же за столом гадают, лопатку нельзя трогать ножом (священна!), мясо от кости очищают пальцами. А шею по окончании пиршества передают пастухам. «Как женщине, так и молодым считается постыдным есть голову барана или быка; эта часть считается почетною и является достоянием старших. **Шея – достояние пастуха**» [3, с. 112].

Это условие в горах Осетии остается в силе и поныне. Правда, иногда пастуху достается эта доля в урезанном виде – только **æфцæг**, первые два позвонка шеи. Но и в таком виде бытовое назначение и функционально-символический смысл ясны: шея ставится перед старшим в качестве эмблемы скотоводческой функции в скифском, равно как и в нартовском, обществе.

Такова и символическая роль лопатки, эмблемы жреческой функции. И этот символ духовной функции как бы и за столом противостоит воинской силе. Она не только чуждается ножа, принадлежности воина, но считает оскорбительным для себя даже прикосновение оружием насилия. Ее сила – в уме, в духовном могуществе. Оружие насилия отвергается – потому скифские жрецы не **резали** жертвенное животное, а **душили** петлей.

Голова сама собой говорит о главенствующей функции воинов в обществе. Но хотелось бы увидеть в ней и какой-то намек на чисто воинскую функцию. И с этой целью можно обратить внимание на два пересекающихся надреза ножом на лобной части головы, лежащей перед старшими. Это, конечно, символ христианского креста, к трехфункциональной субординации в скифском обществе не имеющий никакого отношения. Но так ли было всегда? Не заменен ли крестообразным надрезом однолинейный продольный надрез, который наносился на лобную часть головы в дохристианское время?

Думаю, что на этот вопрос можно ответить утвердительно. Дело в том, что один продольный разрез на голове сохраняется в погребальном застолье, наиболее свободном от христианского влияния. И этот надрез, по-видимому, представлял собой некое «графическое» выражение-изображение атрибута воинской функции – меча, меча, которому поклонялись аланы, как символу божества, ибо меч и божество были одноименны – **æхсар**. Кстати сказать, аналогичный «рисунок» наносится в Северной Осетии также и на пироги к поминальному столу в день похорон.

Из всего сказанного можно заключить: в обряде осетинского традиционного застолья, именно в таких его «непонятных» элементах, как **три** старших, **три** пирога, **три** шашлыка на вертеле, **три** символические доли (голова, лопатка, шея) перед старшими, отразилась трехфункциональная структура скифского общества, источник трехродового деления нартовского эпического мира. Отразилась как форма социальной субординации у наших предков в эпоху военной демократии. Отразилась, наконец, как форма примирения или гармонизации сословно-кастовых противоречий на основе внешнего, формального равенства основных социальных слоев населения при ведущей роли сословия воинов. Мы исполняем веления стародавнего этикета (субординации) традиционного застолья лишь как непонятные и, на наш взгляд, бессодержательные элементы формы, но в них некогда пульсировало живое и важное в реальном быту наших предков содержание.

К этому следует добавить еще одно наблюдение.

Современное наше традиционное застолье в принципе по реальной субординации – двучастно. Возглавляют застолье старшие, но участники застолья в совокупности делятся на две части: **хистæртæ** (старшие) и **кæстæртæ** (младшие). Создается впечатление, что здесь субординация основана на чисто возрастном цензге и никак не связана с трехфункциональной системой общественной организации. Как это объяснить?

Думаю, в этом двучастном делении участников застолья следует видеть более раннюю форму общественной субординации. Видимо, в патриархально-родовом обществе (до военной демократии) возраст мужчин выступал основным критерием их функциональной классификации. Старейшины (старшие) – хранители обычая, нравственных устоев общества; люди, умудренные опытом жизнедеятельности. Младшие мужчины выполняют в основном функции охотников-добытчиков и воинов. В экстремальных условиях они – сила и надежда общества, защита от внешнего насилия.

Видимо, этим и объясняется то положение, что до недавнего времени в честь младших всерьез говорилось на общественных собраниях: «Нæ сагсур фæсивæд!» – «Наша оленепреследующая молодежь!», «Нæ фæдисонтæ!» – «Наши посланцы на боевую тревогу!», «Нæ уынæн цæст, нæ уайæн зæнгтæ!» – «Наши зоркие очи, наши резвые ноги!» (вспоминается: Ахиллес быстроногий!). Эти фразеологизмы свидетельствуют, что охотничьи, добывческие и воинские функции молодежи были в высоком уважении на всех стадиях развития родового общества. И все-таки молодые мужчины в ряде случаев на шкале общественной субординации остаются как бы на низшей ступени, хотя им воздают должное.

Здесь, видимо, следует считаться с одним фактом: младшие, как, впрочем, и старшие, сами делились на две группы. Одни уже воины и добывческие, потому почести воздавались им, лестные определения относились к ним. Остальная часть молодых мужчин (подростки, юноши, не прошедшие еще посвящения в мужчины) оставалась как бы еще не проявившейся силой и ценилась менее всего. В общественной субординации им еще не было места. Они только обслуживали старших по возрасту, т.е. практически всех.

Такова доля и средней части мужского населения рода. Они еще не старшие, но уже и не младшие. Они – лишь хозяйственная сила общества. Их функциональная значимость неярка, стерта, хотя и не игнорируется. И по сути дела они выполняют ту же функцию в отношении старших, что и юноши в отношении младших мужчин – воинов и добывческих.

Отсюда можно заключить, что патриархально-родовое общество вплоть до начала эпохи военной демократии оставалось двухфункци-

нальной организацией: старшие и младшие. И в этих условиях у старших естественно возникала необходимость в особо подчеркнутом уважении к младшим, ибо они представляли основную оборонную и добытческую силу

И, видимо, этим объясняется тот факт, что перед тремя старшими в начале застолья ставятся не **три**, а **четыре** символические доли: четвертая – **базыг**, плечевая кость. И она вскоре передается по адресу – младшим с почетным бокалом. Этим жестом старшие признают особое значение младших в обществе, хотя они не приравниваются к старшим.

В этой двучастной субординации в тени остается срединная часть мужчин и особенно самые младшие, молчаливые исполнители воли всех. Их положение в обществе наиболее незавидное. И любопытно, что это их состояние отразилось в языке нашем.

Кæстær – слово, которое вполне можно рассматривать как синоним бесправного. **Кæстær** – обязан слушаться всех молча и беспрекословно. Он – всего лишь исполнитель чужой воли. В общественной субординации его в расчет не берут, он – никто.

Это положение младшего – **кæстær** – остро ощущал еще в начале века Сека Гадиаты и с горькой иронией называл себя – **æнусы кæстær** – «навеки младший», т.е. навеки бесправный, подвластный всем... И весьма интересен в этом смысле тот факт, что в древней семантике слова уже наличествовал уничижительный оттенок. В. И. Абасов отмечает: «на сакском слово **кæстæра** означало еще и «ничтожный» [1, с. 589].

Однако это касалось лишь подростков, еще не мужчин. Младшие же мужчины ценились высоко. Об этом говорит символическая доля, предназначенная им – **базыг**, плечевая кость, по сути дела – правая рука, десница. Символический смысл ясен: рука – сила, кормящая и защищающая. Осетины до сих пор говорят о сыне, о младшем брате – «мæ рахиз цонг» – «моя правая рука, моя десница». Само слово **базыг** еще в скифское время зафиксировано как собственное мужское имя, которое до недавнего времени охотно давалось младенцам мужского пола в форме – Базук, Бузук, Бызыг, Бадзыга и т. д.

Правомерно думать, что двучастное деление патриархального рода сохранилось и в Скифии эпохи военной демократии, но лишь во внутрисословной субординации. Трехфункциональная субординация – явление из межсословных отношений и не снимает иную внутриродовую субординацию, даже в чисто воинских родах, хотя они и верховодили в скифском обществе. И старшие в среде воинской касты по необходимости должны были оказывать хотя бы внешние знаки внимания младшим вои-

нам: они стали основной воюющей силой, не только обороной общества, но и наступательной силой, приносившей немалые материальные выгоды воинской старшине. И военные вожди, и цари Скифии вынуждены были в какой-то степени делиться с младшими своим нажитым на их ратном труде добром, особенно в трудные времена неудач, голода и т.д. Не исключено, что передача старшими мужчинами специальной доли от жертвенного животного выражает, кроме всего прочего, еще и эту функцию в символической форме, функцию «кормления». Такое «кормление» приносило военной аристократии двойную выгоду – усмиряло недовольство воинов в трудные времена, возбуждало в них чувство благодарности и в то же время обеспечивало послушание воинов в боевой ситуации. Известно, что такое «кормление» имело место в общественном быту всех кочевников. По-видимому, и в Скифии. Об этом говорит знаменитое сказание из нартовского эпоса: Сатана и Урузмаг спасли нартов-воинов от позорной смерти в голодный год, накормив их из собственных запасов. Хотя эти запасы состояли из тех приношений (пирогов, шашлыков, пива), которые рядовые нарты делали Сатане в праздничные дни. Получается по осетинской пословице: его же добром ему губы помазали (йæхи сойæ йын йæхы былтæ айсæрстай!). Но это сути дела не меняет.

Таким образом, в субординации современного осетинского застолья в его традиционной форме отчетливо просматриваются как черты трехфункциональной структуры скифского общества в эпоху военной демократии, так и черты двучастного деления патриархально-родового мира. И следует отметить, что второй тип субординации – старшие и младшие – совершенно естественен и ясен, тогда как многие черты трехфункциональной субординации выглядят непонятными, темными, реликтовыми, требующими для своего осознания особого исследования и объяснения.

Это, по-видимому, вызвано тем, что в постмонгольское время (XIII в.) в аланском обществе патриархально-родовые институты получили резкое оживление, своеобразное возрождение, ибо иной защиты у разрозненных и разгромленных родов уже не было. «...Распад прежних социально-политических отношений неминуемо привел к усилению родовых начал, которые только и могли теперь обеспечить общественный порядок» [2, с. 119].

В такой ситуации стародавняя патриархально-родовая субординация (старшие и младшие мужчины) естественно вошла вновь в свою былую силу. От трехфункциональной субординации, фактически межсословной, остались в этикете осетинского застолья лишь отдельныеrudimentарные элементы, потерявшие реальный содержательный

смысл: три старейшины, три пирога, три символические доли от жертвенного животного... четвертая доля имела живую функцию и передавалась младшим. Остальные же доли по давней традиции кладутся перед старшими, но с тем, чтобы сиротливо лежать на столе, не имея ни смысла, ни назначения в реальном быту и в реальном бытовом сознании людей..

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1 АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том I. М.-Л., 1958.
 2. ВАНЕЕВ З. Н. Средневековая Алания. Сталинир, 1959.
 3. КАНУКОВ И. Д. Собр. соч. Орджоникидзе, 1963.
 4. МИЛЛЕР В. Ф. Осетинские этюды. Ч. I. М., 1881.
-

Nafi JUSOITY

OSSETIAN TABLE MEAL AND SCYTHIAN-NART SOCIETY

SUMMARY

The features of three-functional structure of Scythian society in epoch of military democracy, and also the features of two-partial division of patriarch-tribal world are clearly visible in subordination of modern Ossetian table meal in its traditional form. Also it is necessary to note, that the second type of subordination – senior and younger – is completely natural and clear, whereas many features of three-functional subordination look not clear, dark, relict and require the special research and explanation for their comprehension.

From three-functional, actually interclass, subordination, there are only separate rudimentary elements which have lost real substantial sense in Ossetian table meal: three seniors, three pies, three symbolical shares from sacrificed animal ... the fourth share had alive function and was transferred to the younger. Other shares according to old tradition are put in front of the seniors, but have neither sense, nor meaning in a real life and in real consciousness of people.